

Триумфальный въезд графских лошадей в мое село

Лишь только графская повозка очутилась на дворе, ее моментально окружила толпа народа, во главе которой находились все мои родственники и в полном составе сельский причт с включением церковного сторожа и хромой просвирни. Всех изумило не столько мое прибытие во время весенней распутицы, сколько телега, запряженная красивыми графскими лошадьми.

- Вот так кони! - удивлялся пономарь. - Вы заметьте, отец дьякон, какие лады!..
- Что говорить, породистые лошадки...
- Сиречь кровные... заводские, надо прямо говорить...
- Ну да! Не нашим одрам чета... Одер навсегда одром останется, - хоть ты корми его, хоть нет...
- А телега-то... Извольте посмотреть... Что - шины, что - спицы, что - ободы...
- Да все, на что ни посмотри, глаза разбегаются...
- Вот горе, - пожаловался я, - лошади-то у меня засеклись...
- Это ничего не значит, Николай Васильевич, - подхватил пономарь, - сейчас взять жженных

квасцов...

- Нет, березовка будет полезительнее, - возразил седой, как лунь, дьячок...
- Ничего вы не понимаете! -- решил отец дьякон. -- От засечек первое средство медный купорос...

он сейчас разест рану-то... она и того...

- Нет, уж лучше глины с солью ничего не может быть, - заметил в свою очередь церковный сторож, победоносно оглядывая толпу, которая вдруг в испуге попятилась назад, увидав вытасченный из телеги фотографический аппарат Льва Николаевича.

- Это что ж за штука такая, Николай Васильевич? - спрашивали меня изумленные зрители.

- Машина для снимания портретов.

- Ай, ай, ай! Вот оказия-то... И что же, например, эта самая проскомидия может со всякого снять портрет?

- С кого угодно... хоть с лошади или собаки...

- А не опасно к ней близко подходить?

- Нисколько...

- Мы к тому спрашиваем, что у этой машины медная труба, словно бы похожа на пушку... как бы, мол, греха какого не было...

- А я слышала, - заметила сутулая дьяконица, - от добрых людей: кто ежели снимет с себя патрет, тот уж не жилец на этом свете...

- Городи больше! - возразил отец дьякон. - Ведь с нас с тобой, когда мы были молодыми, тоже художник списал портреты.

- То дело другое, потому там были нарисованы какие-то чучела гороховые... оттого мы с тобой живы и остались...

- Однако пойдемте чай пить, - известил мой отец, и я, окруженный родными и знакомыми, вступил в горницу, где уже на столе кипел самовар и красовался объемистый графин с водкой.

- Ах, мой милый! - слезливо говорила мне мать. - Как тебя Господь донес в такую непогодь?..

- У меня Николай не трус, - подхватил отец, - ему, как говорится, самое море - по колено... За одно не хвалю его: от тургеневской земли отказался...

- Да иначе поступить было невозможно, - возразил я, наливая рюмку водки, - я жил в поле один, как кулик... меня просто-напросто волки съели бы.

- Ну, вздор какой! Завел бы ружье, а главное, помнил бы слова Спасителя: "Без воли Моей и влас с главы вашей не погибнет". А то там какие-то волки... Его святая воля! Получал бы себе доходец с именица да папироски покуривал...

- Но вы забываете, папаша, что надо было обзавестись полным хозяйством: нанять работников, закупить лошадей, разных сох, борон, телег... На все это нужны были деньги, а их у меня не было...

- Ну, да уж что толковать... не умел пользоваться случаем, теперь и сиди на бобах... А ведь случай-то какой был! Что для Тургенева значили тридцать десятин? Тьфу! А ты бы на них жил барином... Женился бы там на какой-нибудь барышне, за ней бы прихватил малую толику... Эх, брат Николай, огорчил ты меня своим необдуманным поступком!

- Я же вам говорю: до смерти волков боялся... их такая пропасть в чаплыгинском лесу Ивана Сергеевича... а к самому этому лесу подпирала моя земля...

- Наладил одно: волки да волки...